

Вырезка из газеты

КОМСОМОЛЬСКАЯ
ПРАВДА

г. Москва

25 ФЕВ 1987

ПАРАД «ЗВЕЗД»

Марчелло МАСТРОЯННИ

В Доме кино проходила встреча известных зарубежных актеров и кинодеятелей. Было столько знакомых лиц...

Импульсивный, обворожительный и открытый. К нему подходили, хлопали по плечу, обнимали.

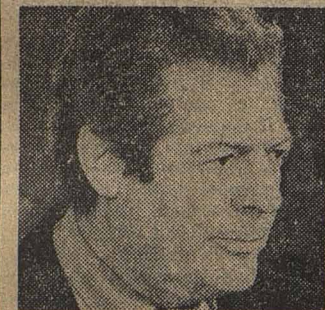
— Что вас привело к нам в страну?

Марчелло улыбнулся: — Давайте бороться за спокойный сон. Европа очень устала от войн. И Россия тоже. Михаил Горбачев развернул такую миролюбивую политику, что и мы хотим помочь ему в ее осуществлении.

— У вас только что закончили съемки фильма «Очи черные», что вам понравилось в Никите Михалкове как в режиссере?

— Ирония. — Это скорее в человеке, а в режиссере?

— Он, как и Феллини, заставляет актера импровизировать, но именно то, что ему нужно как режиссеру. Но у Феллини никогда не было сценария. Он разрабатывал его в беседах с актерами. Многие артисты знают эти долгие прогулки Феллини. Когда он гулял и делился мыслями по поводу фильма. Не было ни разработанных сцен, ни трюков.

— Близкий вам тип художника?

— Кинематографист в колпаке шута, но с бородой пророка, держащий в руках бич и волшебную палочку.

— А зачем волшебная палочка?

— Артисты — это дети. А кино — это волшебство.

— Вы много работаете с советскими актерами: какими они вам представляются? — Они более сентиментальны, чем итальянцы.

— А женщины?

— Я пытался понять своих женщин, итальянских, но так и не понял.

— Что в жизни человека главное?

— Гаревая дорожка...

— А что бы вы пожелали молодым?

— На этот вопрос я повторяю одно и то же: вот вас приглашает министр, время идет, а вы за дверью его кабинета... Время идет, вам приносят кофе, правда, все за дверью его кабинета. Но настает такая минута, когда министр примет. Так вот для молодых главное: дожидаться!

— Марчелло, какой у вас характер?

У Марчелло брови полезли на лоб: человек меньше всего знает именно себя. Но и

тут юмор и находчивость его выручают.

— Легкий, как воздушный шарик.

Легкий? А кое-кто из кинокритиков утверждал, что у Марчелло Мastroянни — задатки Обломова. Эта внутренняя, скрытая от глаз глубина ему и позволила разорвать рамки актерского стереотипа: он всегда играл самого себя. Простодушного ли, веселого малого, чье богатство — доброе сердце да легкий нрав, или человека сложного, тоскующего, измученного поисками истины и обремененного ношей обыденности, как герои фильма «8½», где Мastroянни играет самого Феллини. Человека, не примиряющегося с действительностью, а как бы обостряющего разломы противоречий.

На подмостки театра он попал, буквально отмыл руки от мазута и масел. Обыкновенный рабочий парень, игравший по вечерам в небольшой труппе. На спектакль однажды пришел известный Лукино Висконти и пригласил в свой театр. И актерская судьба Мastroянни была решена. Внешне — счастливая, удачная, «легкая, как воздушный шарик». И только в минуты сентиментальности у него прорывается признание, что жизнь все же — драматическая сказка... И он имеет в виду и ту драму, которая может разыграться в жизни всего человечества. И он повторил:

— Давайте бороться за спокойный сон.

Клаудиа КАРДИНАЛЕ

Она слишком красива, чтобы это не отметить. И неожиданно скромна.

— Отец, чтобы я не строила себе никаких иллюзий насчет своей внешности, в детстве дразнил меня «жирой с глазами, как капуста». Я и не воображала о себе ничего особенного. Дралась с мальчишками. И чаще хмурилась, чем улыбалась. Была дика.

Ее родители жили в Тунисе, хотя по происхождению были итальянцы. Здесь и родилась Клаудиа. Известность пришла неожиданно.

После аукциона в пользу благотворительной организации устроился конкурс красоты. Клаудиа стояла среди публики, ожидая результатов конкурса, когда кто-то схватил ее за руку и повел к трибуне. Все захолопало и стали кричать: «Да здравствует самая красивая итальянка Туни-

са!» Наградой стала путевка на Венецианский кинофестиваль.

В Венецию юная красавица отправилась под материнским конвоем. «Тунисская Шахзада» в арабских шароварах — так одевались женщины в Тунисе — очень тешила газетчиков. Последовало приглашение в экспериментальный киноклуб в Риме.

— Я решила поступать в киноцентр, но во время экзамена вдруг зашпорилась с экзаменатором. Он со мной никак не соглашался. Тогда я встала, хлопнула дверью и ушла.

И все же ее оставили в киноцентре.

Началась работа в кино. Ее закрутило колесо киномашины. Жизнь перед кинокамерой захватила. Играла она не профессионально, а скорее интуитивно. На съемочной площадке перевоплощалась и с легкостью обретала точный образ. Она умела и плакать, и радоваться, и есть спагетти, как того требовал сценарий.

...Клаудиа закуривает. Откидывается на спинку дивана и молчит. Вокруг нее щелкают фотоаппаратами репортеры, но она словно их не замечает.

Работать приходилось много, да еще вечерами тащить груз светских развлечений, привычных и обременительных одновременно. Заученные улыбки. Заученные фразы. Ей даже не приходило в голову взбунтоваться. Она слишком дисциплинирована. Постоянная жизнь на виду — для нее, нелюдимой от природы, — какую более изощренную пытку можно придумать, какую найти более тяжелую плату за популярность? Безжалостная известность...

Но именно дороги известности и привели ее в Голливуд.

— Первым делом в Голливуде мне велели... похудеть. Я села на яблочное пюре и воду. Через несколько дней позволили съесть помидор.

— Самое важное качество, которое необходимо актрисе?

— Нужно быть очень сильной и страстной. Я отдаюсь своему ремеслу с такой страстью, что даже приобрела не свойственную мне добротель: смирение.

Однажды в Бразилии она отправилась вместе со съемочной группой на футбол.

Пеле, узнав о ее присутствии, забил гол и посвятил его ей, сообщив об этом по громкоговорителю. Что тут началось. Она решила бежать. Но удалось добежать только до лифта. Там, закрывшись, она просидела три часа — пока толпа не рассосалась.

— Я себя создавала в молодости. Тогда было все — и спорт, и дерзость, и даже риск. Меня шлифовали режиссеры и жизнь, а я — новые роли. Так «мы» и получились.

Однажды она получила приглашение сразу от двух великих режиссеров — Висконти и Феллини. Двух самых знаменитых режиссеров мира! Съемки проходили почти одновременно. Не успела Клаудиа «выйти» из образа красавицы Анжелики из «Леопарда», как ей нужно было перевоплотиться в Клаудиа Феллини из «8½». В одном фильме у нее должны были быть рыжие волосы, в другом — черные. А каждый из режиссеров требовал волосы естественные. Об этом даже сложилась легенда, что три дня она работала на съемочной площадке Феллини, три дня — на съемочной площадке Висконти и три дня она была рыжая, потом перекрашивалась в черный цвет. Потом опять становилась рыжей. Так же «перекрашивалась» и психологический портрет актрисы...

Клаудиа неожиданно вспомнила себя в «Красной палатке» Калатозова:

— Я была совсем русской. Это была одна из моих самых удачных ролей. После «Леопарда» и «8½». Как это было замечательно!

Мишель ЛЕГРАН

Растерянный, близорукий взгляд, взъерошенные волосы, застенчивая улыбка. Таков Мишель Легран, чьи «Шербурские зонтики» распевают весь мир. Слегка неуклюжий, добродушный и открытый...

— Считаете ли вы себя счастливым?

— Я не считаю себя несчастным, и это уже много.

— Может быть... Но что же все-таки, по-вашему, счастье? — Моя концепция счастья — это любовь, свобода и равновесие.

— Душевное?

— Скорее мировое. Это поиск... поиски красоты в мире.

— Нужно ли за счастье платить?

— О, да, несомненно. Каждый должен развивать свой природный дар, пусть даже небольшой, и отдавать его людям. Иначе ваше счастье — краденое.

— А ваше?

— Оно в песне.

— Как вы считаете, у вас есть чувство юмора?

— Оно есть у каждого.

— Как, по-вашему, в наш век может ли это чувство помочь в решении сложных проблем?

— Помнится, Клемансо как-то сказал, что война — это слишком серьезная вещь, чтобы доверять ее военным.

— Это юмор?

— Черный... — Легран улыбается. — А если серьезно, то суд над человечеством для военных — это музыка, а сама музыка для них — большой порок человечества.

— Что значит, по-вашему, обретение новой «точки отсчета» в жизни?

— Нас менают трагедии. Для меня это была смерть матери.

— У вас есть своя философская концепция?

— Да. У меня целая система, а точнее, иерархия идеалов в искусстве, в жизни вообще.

— Например, в кино?

— Это Бергман, потом Феллини и так далее, длинный ряд — у каждого свое место. Верхняя часть пирамиды 2-3 человека, ниже 10-12, чей стиль и манеры, мне кажется, схожи, идеи близки, еще ниже — 30 человек. Почему такая система? Знаете, можно забыть многое, но никогда — людей.

— А как вы как композитор оцениваете советскую музыку?

— Я плохо знаю вашу современную музыку. Симфоническую — да и некоторые песни.

— Вершина пирамиды?

— Это Прокофьев, Стравинский.

— Вам нравится современная музыка?

— Если речь идет о роке, то решительно нет! Как советский, так тем более и французский. Почему? Я считаю, что это эрзац американской культуры, и не лучшей ее части. Это, конечно, мое личное мнение.

— А что вам нравится?

— Испанские гитаристы фламенко...

— Лорка?

— Да, это прекрасно! Это был гений.

А. СВИСТУНОВ,
Т. ХОРОШИЛОВА.

Фото Н. ГНИСЮКА и
В. КИРЮША.